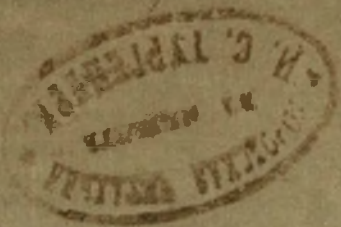

1918-1

1 р. 20 к.

№ 1. 7 Іюня 1918.

А. О. Р.	Книгохране.
	Инд. № 26992

СОДЕРЖАНІЕ:

ачинскій — Церковь живаго Бога.

Гоголь — Градъ невидимый.

Бѣлый — Священная Россія.

Куницъ — Amores.

еплицкій — Два лика.

опорковъ — Славяно-греко латинская академія.

К. Бальмонтъ — Жребій.

Верхарнъ — Брюсовъ — Вечеръ.

Вяч. Ивановъ — Пещера. * *

Іосифъ Куницъ — Старикъ. Къ ней фигуръ Земли. Rose.

Д. Теплицкій — Крестъ въ бирюзѣ. Въ скиту.

Г. А. Крейнъ — Музыка для народа.

А. Таировъ — Исканія театра.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ — 24 р. на полгода — 14 р.
на 3 мѣс. — 7 р.

Редакція и контора:

М. Чернышевскій домъ 9, кв. 8.
Тел. 3-49-16.

«Сынъ человѣческій, оживуть ли эти кости»? И отъѣчалъ пророкъ: «Господи Боже, ты знаешь это!» И обѣщано было костямъ воскресеніе.—Будущее русской церкви, а съ ней и всей русской земли въ нашихъ рукахъ; отъ насъ самихъ зависить воскреснуть ли кости мертвыя обществѣ нашей, и воздвигнется ли новый домъ Израилевъ—«церковь живаго Бога».

Г. А. Рачинскій.

Градъ Невидимый.

Женщина говоритъ Ему: господинъ! Тебѣ и почерпнуть нечѣмъ, а колодезь глубоко: откуда же у тебя вода живая? Неужели ты больше отца нашего Іакова, который далъ намъ этотъ колодезь, и самъ изъ него пилъ, и дети его, и скотъ его? Иисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: всякій пьющій воду сію возжаждетъ опять.

Евангеліе отъ Іоанна

Есть нѣчто, болѣе страшное, чѣмъ самое безвыходно-грозное будущее: это прошлое. Но мы—дѣти прошлаго. Изъ прошлаго мы мыслимъ, чувствуемъ, дѣйствуемъ; каждымъ словомъ, каждымъ движеніемъ налагаемъ мы прошлое на будущее, каждымъ вопросомъ предопредѣляемъ отвѣтъ. Наша жизнь—безконечная осыпь прошлаго—куда? Въ грядущее? Нѣтъ. Но не знаемъ, не чувствуемъ мы подлиннаго, живого грядущаго—грядущаго, какъ изначальной диамикки становленія, какъ кипящей творческой стихіи. Наше грядущее—это только «продолженіе» застывшаго, статическаго прошлаго, сонный стукъ часового маятника: тикъ-такъ, тикъ-такъ, такъ было—такъ будетъ. Это—вѣчное прошлое.

И прошлое, вокругъ насъ, глыбится, утверждаетъ, возстаетъ тяжело и великолѣпно. Но то—каменное и неподвижное великолѣпіе «города мертвыхъ»: «культуры». Каждая, «культурная цѣнность»—могильная плита. По ихъ глубокимъ и безстрастнымъ эпитафіямъ учимся мы—жизни; и оттого въ насъ, въ нашемъ знаніи—холодъ вѣчнаго прошлаго, холодъ смерти.

«Когда-то мы, мертвые, пробудимся?» негромко спросилъ Иосифъ и ушелъ—въ безуміе. Клодезя этотъ вопросъ бросилъ въ Китай, Готэпа—въ Полинезію, Александра Добролюбова на джунгли тропы странничества. Затѣмъ? Учиться незнанію, учиться тишинѣ, учиться грядущему. И, гдѣ-то, отбрасывается карикатурно изломанная тѣнь этого устремленія—футуризмъ.

Это были первыя, безгромныя молніи. Но мы не поняли ихъ; думали—это сонное облако играетъ зарницами. Но то была—гроза. И громомъ ударившая въ насъ стрѣла молніи возвѣстила, что надвинулось—грядущее. Тогда—слишкомъ поздно—обнажился фактъ, что мыслить грядущее въ формахъ прошлаго значитъ заранее отрѣзать отъ себя всякую возможность понять его. Но когда грядущее—обрушенная на насъ грозная туча, не понять его значитъ погибнуть. И въ эти миги—тоды воскресаетъ для насъ призывъ того, чье ученіе—крикъ съ высотъ, изъ подъ этой грозовой тучи,—призывъ Ницше. Воистину должны мы наши размышленія о грядущемъ превратить въ поединокъ съ прошлымъ, философствовать о «культурахъ»—молотомъ.

Подъ ровнымъ вырѣзомъ сѣвернаго неба синится тихая чапа лѣснаго озера—свѣтлояра. Нѣкогда, по вѣтствуешь сказанію, шла татарская сила на приозерный Китежъ—градъ, но, молитвами Китежскихъ праведниковъ, покрыва девица Божія. Китежъ: сталъ отъ невидимъ. Поныгъ стоитъ невидимый градъ надъ свѣтлоярномъ, доныгъ перезваниваются въ немъ свя-

тые колокола, и восходить ладанъ въ церквахъ, и молятся Богу Китежскіе праведники: молятся за землю русскую, за всѣхъ христіанъ православныхъ, за весь темный, грѣшный міръ. И изъ темнаго міра, со всѣхъ концовъ необъятно разбѣжавшихся просторовъ русскихъ, отъ сохи, отъ прилавка, отъ короба, съ болшей дороги несутъ простецы—богомольцы къ стѣнамъ невидимаго града неутоленную жажду поддержки, утѣшенія, прощенія—свыше; сходятся къ свѣтлояру въ умиленной надеждѣ—унести въ свою темную жизнь далекій разсвѣтлый звонъ Китежскихъ колоколовъ, золотое полыханіе Китежскихъ, — куполовъ въ очищающихся отъ ночного тумана струяхъ. Заточница въ темномъ мірѣ, ищетъ ихъ дѣтская вѣра крѣпкой, исконной, родовой, матерински теплой правды, чтобы припасть къ ней. Что такое Китежъ? Не отвѣтить на это никто изъ нихъ, да этого и не спросить, какъ не спрашивалъ въ раннемъ дѣтствѣ, что такое убаюкивающая его колыбельная пѣсня или питающій его кусокъ хлѣба,—и, какъ дѣтство, цѣльна и свята ихъ вѣра.

Въ полюсу «богосекательства» наша изнемогающая въ пустотѣ своего разсудочнаго сознанія интеллигенція «открыла» Китежъ. «Фактъ» Китежа по гдѣ могла наша интеллигенція научиться «факту», конкретно-непредвзятому воспріятію дѣйствительности? Съ мѣста началось «осмысливаніе»—проще говоря, усвоеніе, приспособленіе, использование. Китежъ вдвинули во главу угла патающагося зданія славянофильской догматики, Китежъ сталъ «культурной цѣнностью» (пусть самобытнѣйшей культуры!). И передъ нами—могильная плита; на ней четко и безжизненно высѣчено «Сказаніе о Китежѣ»; насъ приглашаютъ занять мѣсто въ чередѣ богомольцевъ маститаго вида, ждущихъ своей очереди «приложиться».

Для нашихъ неославянофиловъ Китежъ—издревле, статически данное пересѣченіе Россіи и церковнаго православія—святости и Руси—Святая Русь. Не въ темномъ, грѣшномъ мірѣ, не въ «міру» правда невидимаго града, въгдѣ предѣловъ она. Подвигъ смиренія, «послушанія», покорнаго пріятія этой вѣрно-данной, исконной «родовой» правды—вотъ заветъ Китежа, сулящій, какъ вѣнецъ «мірскихъ» достижений, золотой холодъ струнаго отраженія, отзвукъ замирающаго, вѣтвирнаго звона: ибо бышемъ поросла потаенная «Ватыева тропа», вводящая въ Китежъ того, кто вступитъ на нее, безповоротно отвергнувъ земное, рѣшивъ навѣки уйти изъ міра въ блаженный покой невидимаго града. Гдѣ-то уже дана Святая Русь, уже стоитъ завершенный и неподвижный Китежъ. «Назадъ къ Китежу!» вотъ тема, въ разнообразныхъ вариацияхъ проходящая явно или тайно въ симфоніяхъ неославянофиловъ (имъ кажется, что они зовутъ—впередъ). «Назадъ къ Китежу!» И прошлое—изъ измѣренія мысли становится измѣреніемъ жизни, дѣйствія; рождается конкретно-историческій импульсъ—охранить, сберечь, зацѣпить. И тутъ—затягиваютъ ядовитыя болотныя травы свѣтозарный ликъ Китежскаго видѣнія: Китежъ—сердце Россіи, Россія—мистическій организмъ, этотъ организмъ—не благоустроенное ли и крѣпкое русское государство, не империалистическая ли Великая Россія Струве, послѣднее слово европейскаго прошлаго. Немудрено, что въ такомъ взятіи сверкающая жаръ-птица Китежскаго видѣнія превращается въ самодовольную спилизацию, въ Билибинскаго пѣтушка. И мы видимъ: червонное, неугасимое золото Китежскихъ куполовъ—золото сусальное; на верхушкѣ терема сидитъ пѣтушокъ: онъ выкликастъ благонамѣреннаго конституціоннаго Додопа:

Ки-ри, ку-ку!

Царствуй, лежа на боку.

«Чтобъ идеаль былъ плодотворенъ, нужно во-вмѣстѣ въ него», обронилъ въ письмѣ Флоберъ мудрыя слова. Но прошлое не вмѣщается грядущаго:

оно отрицает его. Ничего-то не вмѣстилъ стилизованный невидимый градъ изъ огромныхъ событий нашей современности. Что слышали мы отъ тѣхъ, кто прямо или косвенно говорилъ «отъ Китежа»? Вариации на тему «паденіе»: «распаденіе», «отпаденіе», «выпаденіе»—и только.

Сыны отцовъ, столпники древняго благочестія—они правы. Начался великій исходъ—изъ пропаганды. Тысячелѣтія стоявшее надъ горизонтомъ человѣческаго творчества солнце трансцендентно—неподвижной, единой, «родовой» нормы—закатывается. Что же остается? Остается самъ человѣкъ, и безгранично открытые ему просторы, и его воля къ свободному творчеству жизни. Для него наступаетъ пора внутренне отрѣзать себя отъ всякихъ внѣположено-данныхъ ему «организмовъ», отъ всякой «органичности»—религіозной, національной, бытовой: сквозь омертвѣвающую плоть этихъ «организмовъ» проступаетъ неподвижная каменная кость скелета. Россія—подлинная, человѣчески живая и свободная—задана, не дана. Не стоитъ позади древній, пустой камень Китежской святыни. Позади—только камень могильной плиты съ высѣченнымъ «Сказаніемъ о Китежѣ»: ибо вернуться въ живое дѣтство нельзя, можно вернуться только въ прошлое. Но оно, это дѣтство, живое пониманіе его чистой, невыразимой правды воскресаетъ на высотахъ цѣлостной мудрости, на высотахъ творчества. И тогда понимаемъ мы, что славянофильскій Китежъ—оптический обманъ, миражъ вѣчнаго прошлаго; что подлинный, живой Градъ Невидимый впереди, не позади,—не сложенъ гдѣ-то изъ древняго, застылаго камня, а строится въ насъ, въ нашемъ творствѣ; что онъ—это мы. Этотъ Градъ Невидимый—больше, чѣмъ Святая Русь: онъ—Россія грядущая. И къ этому Граду ведутъ иныя, новыя тропы: не дѣтски «органическая» собранность, слитость у невидимаго престола исконой «родовой» правды, не дѣтски безумная отдача ей, а длительный и беспощадный исканіе послѣдней творческой свободы, единственно предѣльно индивидуального пути,—о которомъ такъ проникновенно и строго сказалъ иѣмецкій поэтъ Меркеништернъ:

Кто къ истинѣ идетъ, тѣмъ вѣдуче—
Однимъ идти;
Никто никому не будетъ
Братъ по пути.

Этотъ Градъ Невидимый вмѣщаетъ нашу современность, вмѣщаетъ великій распадъ прошлаго, великое крушеніе всѣхъ застывшихъ формъ жизни—государственной, социальной, религіозной. Болѣе того, это крушеніе—его предпосылка, какъ предпосылка космоса—хаосъ, вихрь: вѣдь изъ хаотическаго вихря возникла сама наша солнечная система, ея свѣтъ и строй. Хаосъ—начало отрицательное лишь для тѣхъ, кто стоитъ на почвѣ прошлаго, кто живетъ и мыслитъ въ его привычно-неподвижныхъ формахъ. Но, какъ отвѣтъ, звучать людямъ грядущаго глубокія слова Фауста—Мефистофелю, духу тяжести и лукавства:

Въ Твоемъ ничто я все найти надѣюсь.

Для нихъ хаосъ—живое лоно грядущаго; онъ—стихія творчества. Изъ хаоса рождается Сикстинская Мадонна; изъ космоса—олеографія, отвлеченно-безжизненная копія уже даннаго, вѣчное прошлое, вѣчная ложь. Поэтому-то выше олеографіи та гвоздемъ прибитая къ стѣнѣ перчатка, что однажды красовалась на футуристической выставкѣ: если это не было новой правдой, то было хоть устремленіемъ къ ней, хоть безповоротнымъ отказомъ отъ старой лжи. Не хаосъ страшенъ, а страшна была бы—вдругъ и безмятежно застывшая въ неподвижной лжи все-россійская олеографія имперіалистическаго государства. Россія, въ лицѣ которой протупила бы facies imperatoris сунцзикаго Китая. Нѣтъ, лучше социально-политическій футуризмъ, прѣлестный къ стѣнѣ мажоран-

листская перчатка. Правда, даже въ самомъ крайнемъ максимализмѣ современности—слишкомъ много прошлаго, неотступно подстерегающаго его опасностью застыть, стать абстракціей, фразой, «казенщиной», творчество жизни подмѣнить ея питемелеваніемъ. Но, конечно, это и не могло быть иначе: гроза надвигавшагося грядущаго—ея затишья и возвраты—протянется въ столѣтія. Но туча не отступитъ отъ насъ. Ею осененъ Градъ Невидимый—грядущая Россія. И долгъ нашъ—во имя его сказать распаду, ужасу, смерти—творческое «да».

М. Струговъ.

Священная Россія

Глубокіе смыслы заложены въ ритмъ образованья народа; онъ есть организмъ; переменчиво выраженіе облика, блестящаго изъ облака его бытовой, бранный формы въ пространствѣ и времени; народъ есть энергія электричества, бьющая молніей и освѣщающая горизонты исторіи.

Есть народы сложившіеся, какъ пласты горныхъ грудъ надъ рельефомъ исторіи; оковали они огневой центръ сложенія своего.

Атмосферные льды ихъ вершинъ проблестали отчетливо холодомъ государственной идеи народа; а зелень, покрывшая склоны,—культура и бытъ; образованная крижи порода есть раса; государственность не зависитъ отъ расы, лежащей въ основѣ культуры и быта; культура и бытъ—зависимыя переменныя государственности и расы.

Но подъ горной породой клокочетъ расплавленный жаръ въ самомъ центрѣ земли, кристаллизуя свои оболочки (породы), привставшія цѣпью уступовъ (народовъ) къ вѣчающей ихъ государственности. Расплавленный центръ, надъ которымъ встаютъ оболочки народовъ—духовный смыслъ жизни.

Что есть вулканъ? Въ немъ огонь черезъ трещины горныхъ породъ (или растъ), расплавляетъ холодные льды государственности; и—образуетъ жерло изъ вершины; оттуда бьетъ лава; мѣняетъ она формы контуровъ.

Черезъ вулканные жерла глубины влетаютъ въ небесныя выси; и упавъ оттуда, какъ лава, текутъ, образуя иные рельефы народовъ, цвѣтущихъ позднѣе культурами, бытами.

Есть народы, какъ формы, есть расы, какъ формы, есть взрывы народовъ, и расъ, черезъ которые излетаютъ духовные смыслы; мѣняется намъ представленіе о челоѣчествѣ.

Россія не есть государство; не есть она раса; и менѣе всего есть народъ. Она въ прошломъ—расплавленность, пламень подземныхъ породъ, остывающій покрываемый бытами и культурами; на одинъ историческій мигъ увѣчала она государственностью; и разбила ее. Другія культуры спокойно и гордо сіяютъ въ законченной формѣ, вѣчающей національности. И они не вулканы.

Вся трагедія жизни Россіи, весь ужасъ ея положенія въ мірѣ, огромность заданий въ томъ, что ни горы она, оледенѣлая государственностью, ни уступы той горы (не народъ) а—жерло, черезъ которое бьетъ свѣтъ заданий грядущаго челоѣчества; въ ней—провалъ государства, въ пожарахъ культуръ; и въ ней—гибель готовыхъ народовъ.

Распыленіе павшей Имперіи—фактъ; что въ паденіи бьетъ не есть организмъ; не разбивается—челоѣкъ; поднимается,—и продолжаетъ свой путь; если бы голова его, руки и ноги стремительно разлетѣлись, то челоѣкъ пересталъ бы онъ быть жизнью. Не оббитую статую можно сложить изъ осколковъ. Разбитые организмы не складываются.

Отдѣленіе Финляндіи, Бѣлорусіи, Латвіи, Украины, Карказа—разбитіе статуи, изображавшей Имперію.

И она—не Россія: не родина. Родиной зачастую считали аллегорическое изображение; падение Русской Имперіи—разрушеніе аллегоріи у насъ въ головѣ отъ толчка живой жизни.

Слово «родина» указываетъ на роды; рожденіе жизни—потъ корень народа; народы не связаны мѣстомъ; и съ наступленіемъ ледниковой эпохи народы Европы перекачнутся на югъ.

Россія—не быть; существованіе множества русскихъ бытовъ есть фактъ; и Россія не есть намъ культура; менѣе всего она есть культура опредѣленнаго класса.

Культуры, которыя мы именуемъ Петровской литературной, Пушкинской, интеллигентской, византийскою—не культуры въ широкомъ значеніи смысла; но и онѣ суть Россія.

Культура традицій литературной Россіи—одинъ изъ симптомовъ искомой Россіи, быть можетъ; съ достаточной яркостью отразился одинъ изъ огромнаго множества «бытовъ» недавней Имперіи въ немъ.

Но до Петровское начало Россіи, живущее въ насъ не нашло отраженія въ немъ. Между тѣмъ: существуя съ интеллигентскою и дворянскою культурой начало московской Россіи проходить сквозъ весь восемнадцатый вѣкъ и сквозъ весь девятнадцатый вѣкъ; византийскіе корни въ Россіи недавняго прошлаго крѣпче, чѣмъ болѣе поздніе корни дворянской, сословной, бюрократической, интеллигентской Россіи. И вѣщніе скрѣпы Петровой Имперіи, поверхностный оформляютъ Россію, чѣмъ скрѣпы народной Россіи.

Россія—энергія взрыва; она не имѣетъ отчетливой формы; и допускаетъ огромное множество формъ (динамитъ одинаково взрывать внутри металлической полости—круглой, трехгранной, овальной); не въ Православіи, не въ Петрѣ и не въ Пушкинѣ пребываетъ она; но сквозъ нихъ она дѣйствуетъ.

Петрова Имперія разорвалась, точно бомба, изранивши столбкія души осколками разлетѣвшей оболочки (Украиной, Литвой, Бѣлоруссіей, Крымомъ, Кавказомъ); если въ будущемъ соединятся они, соединеніе будетъ случайно: Россія—не въ немъ.

И византизмъ, и Петрова Россія, какъ и другія «Россіи» суть льдины, несомня внешней водой въ ледоходные дни; разливанное море—народы—бушуя, поютъ объ исконномъ, о старомъ и бушующихъ, тысячелѣтій подѣ формами бытовъ, культуръ, государственныхъ установленій и поэтическихъ чаяній; весь расплавъ, нынѣ поднятый черезъ трещины треснувшихъ горныхъ породъ до вершины російскаго империализма, образовалъ изъ вершины жерло и струею культуръ угрожаетъ онъ хлынуть въ градацію національностей, образовавшихъ «Имперію».

Народы, сближенные русскую изменчивость суть горизонты проявленной исторической жизни; по заявленію Шрадера въ установившемъ исторіей бытѣ, въ одеждахъ и въ формахъ язычныхъ перекликаются эти народы съ народами русскими; такъ культурою прарарійскаго языка пропечатаны мы.

И мы болѣе скиены, чѣмъ даже славяне въ обыкновенномъ значеніи этого слова: и скиены—не варвары.

Мы не русскіе въ пошлословномъ и суженномъ смыслѣ, въ какой насъ угодно загнать отвлеченникамъ націонализма, патриотизма, империализма подѣ рубрику сочиненныхъ «Россій».

Звуки словъ «Русь», «Россія», по смыслу древней сочиненной недавно «Россіи» и «Руси Московской»; (Не отъ племени-жъ Русь происходитъ позднѣйшая Русь? Въ такомъ случаѣ почему она не Древлянія, почему не Полянія?)

«Росъ»—по гречески обозначаетъ намъ: сильный; и росіасъ—сила. Россія есть Сила; и росой—родъ скиескій; генеалогія слова Россіи связываетъ Россію съ таинственной Скиеіей. И Скиеіаль, осужденный догматикой, можетъ быть, Русскій приподнятый надъ пучиною воспламененнаго духа.

Корни род-роз-росъ вяжутъ значенія: роза-рожай-урожай-родъ-народъ-Росъ-ростъ; И—далѣе, далѣе. Въ звукѣ слова «Россія» вписалось: рослая, сильная, родная (или родная).

А звукъ слова Русь еще значимѣй; перекликается онъ съ древнѣйшимъ санскритомъ; русантъ по санскритски есть свѣтлый (иль—русый); и Русь—это свѣтенъ. Звукъ силы и свѣта въ насъ есть; въ изначальномъ—сильны и свѣтлы; на финикийскомъ русъ есть голова; звуки мудрости, соединяются со звуками силы и свѣта; «руз-руд-руа»—приносятъ отбѣнки: рудъ (рудный) и rouge (по-французски); Русь—Красная. Красота, Сила, Мудрость соединяются въ звукѣ слова Россія и Соединеніе Красотами, Силою, Мудростью,—какъ въ алхимическомъ камнѣ; вписываетъ огромную Миссію опредѣляемой и искомой Россіи.

И Миссія русская совпадаетъ до странности съ миссіей человѣческой расы. Вселенская Миссія—только она и есть родина: это вписано въ звуки слова Россъ, Русскій.

Rusoi—свѣтлые, русые, русскіе; Rusios есть рудый, иль текущій расплавленно; русскіе дѣти свѣта; и кромѣ того Rus—текущій (русей, ручей, лучъ), пребывающій въ неизмѣнномъ движеніи и не имѣющій формы; но идеаль всей культуры, какъ онъ обозначился въ заострѣніяхъ времени,—динамическій вихрь Гераклита. Россія должна встать, какъ вихрь, передъ всею Европою (не теперь, такъ потомъ); и быть вихремъ огня значить быть: русскимъ, будущимъ, блещущимъ перемѣняющимся формами и подчиненнымъ не формѣ, а самому ритму метаморфозы народностей.

Русское есть рудѣе, текущее, протекающее, какъ расплавленный шаръ; и—какъ свѣтлая сила ручья, производящаго урожай народовъ.

Въ урожаѣ народовъ—Россія; и—не народъ, и не сумма готовыхъ народовъ ее образуетъ.

Идеи о сохраненіи быта народа и лика народной Россіи не существу не народны; исконно народная сила Россіи по существу внѣ-народна: она—всенародна. Идеи о сохраненіи Лика Россіи уничтожаютъ Ликъ Русскій, его подмѣняя официальной маскою, разбиваемой въ первомъ же революціонномъ толчокѣ.

Русь, Россія есть свѣточи, блески людей, народовъ, люющихся лавой изъ нѣкаго центра, сметающаго окостенѣлыя бытовые и государственныя устои во имя свѣтлѣйшихъ, чистѣйшихъ и нынѣ чуть брезжащихъ устремленій вселенскаго братства, вселенской, конкретной любви. Россія—страна Иоаннова; такъ она обозначена на древнѣйшихъ географическихъ картахъ; въ своемъ прошломъ—то скиеи и сарматія; въ будущемъ—Иоаннія.

Центръ Россіи—есть линія тысячелѣтій, пересекающая народы на западъ и на Востокъ; въ другомъ измѣреніи линія явлена блещущей звѣздой Иоанна. Православіе, Византия, Петръ, Пушкинъ—моменты: лучи той звѣзды; отождествлять съ тѣмъ иль съ этимъ Россію—нельзя; и измѣривать судьбы ея политическимъ строемъ—нельзя.

Полицейскою плеткою разсудка, названнаго «Идеологіей русской» егеемъ Россію; разсудокъ—участокъ; полицейскіе пристава—наши вялые мысли—разошались, въ немъ, видя стѣны участка разброшенными силой подземныхъ толчковъ. Наши взгляды, разбиты: тысячелѣтія не вмѣстили они.

Событія міра мы мѣримъ, убогою мѣркою; забыли мы: человѣчеству пробить часъ.

Мы поняли это, увы головою одною—не волей, не сердцемъ, не плотью, не кровью; не поняли мы, что дары поколѣнья (идеи), рядовъ поколѣній (нашъ бытъ) и народовъ, испекшихъ ручьями изъ Скиеи и отвердѣвшихъ недвижно—все это обрушится въ часъ міровой, проступающей въ душахъ у насъ; по гибели бытовъ, Имперіи—разбуханіе оболочки, черезъ которую выйдетъ наружу ростокъ выбгавшей розы народовъ (по гречески роза есть Roda); народы священной Россіи нѣжнѣйшіе лепестки.

Россія есть свѣтенъ и цвѣтенъ взбухающей жизненной силы. Такою хотимъ мы Россію. Такою мы можемъ любить; въ ней мы любимъ и въ отпечатки конкретного Лика Ея; но заслонять этотъ

Ликъ отпечатками Лика не можемъ: во имя Россіи Петровой, иль Пушкинской, какъ и во имя російскаго Интернаціонала не можемъ забыть мы Священной Россіи.

Она—свѣтель духа; невѣроятными вспышками освѣщаетъ она перспективу грядущихъ, прошедшихъ и сущихъ эпохъ, пронизаемыхъ Силою, пронизаемыхъ Свѣтомъ и пронизаемыхъ Мудростью. Центръ трехлучія—центръ искомый—Россія.

До сихъ поръ чѣмъ была она намъ?

Книжницею неоформленной жизни до-христіанскихъ племенъ. Потомъ—клокотаніемъ ихъ подъ византійскою ризою; воспоминанье объ этой надѣтой на Скию ризѣ и есть Православная Русь.

Подъ напоромъ съ востока на византійскую ризу надѣла насильственно форма Московской Татаріи; Русь Святая теперь—утонувшій градъ Китежъ; еслибы всплылъ этотъ Китежъ опять, мы увидѣли-бы явственно: прошлое.

Но оно—не Россія.

Въ третьей формѣ своей, подъ напорами съ запада предстаетъ намъ: Имперія.

Многособоріе русскихъ бытовъ, культуръ—лишь орнаменты трехъ другъ на друга надѣтыхъ личинъ, существующихъ параллельно, неслитно.

Пересѣченіе ихъ невозможно безъ новаго сплава, переходящаго въ новый химическій актъ; сплавъ предполагаетъ расплавъ.

Въ періодъ расплава мы только вступаемъ; а сплавъ—впереди; мы къ нему взойдемъ сквозь расплавъ; Сила, Мудрость и Свѣтъ—тризначенія корней «Ros» и «Rus», образующихъ слово «Россія», соединятся въ химическомъ актѣ, вѣщающемъ сплавъ: этотъ актъ есть актъ рожденія нашей Священной Россіи.

Лингвисты находятъ въ корняхъ Скиѣскихъ словъ соединеніе двухъ вѣтвей, расходящихся изъ праарійской язычности; въ ней «скиѣ»—остатки той родины (рода), изъ которой возстали индо-арійскіе племена; назначеніе Священной Россіи—по плану выявить тайну ушедшаго Скиѣ: соединить двѣ волны, разошедшіяся на востокъ и на западъ—въ единое братство народовъ. Отъ брака народовъ возникнетъ грядущая раса, подобная индо-арійской; Россія ей—мать.

Люди узкаго кругозора не понимаютъ размаха событий, въ которыя мы вступаемъ еще; міровая война—первый актъ; революція—актъ второй; впереди—много актовъ: рожденія; не въ состояніи понимать люди узкаго взгляда размаха любви нашей къ родинѣ: къ родамъ ея.

Въ ней—священная Роза (по гречески роза есть рода); священная Роза раскроется въ лепесткахъ вновь зацвѣвшихъ народовъ любви.

Люди узкаго кругозора не понимаютъ: одновременно, (всегда!) сочетались и сочетаются лозунги, обращенные къ Слову: Россія.

Исчезни, исчезни въ пространствѣ
Россія, Россія моя!

Второй лозунгъ—гласить:

Россія, Россія, Россія—
Мессія грядущаго дня.

Во Христѣ умираетъ Она. Въ Свѣтомъ Духѣ—рождается, какъ... Мессія грядущаго.

Андрей Бѣлый.

Amores.

Когда пробьетъ послѣдній часъ
природы,
Составъ частей разрушится зем-
ныхъ.
Все зримое опять покроютъ воды,
И Божій ликъ изобразится въ
нихъ.
О. Тютчевъ.

Крокодилъ обладаетъ пастью...
вотъ и все, по-настоящему.
Въ серединѣ же... находится пу-
стое пространство.
О. Достоевскій.

1. Любовь.

Мы не такъ ужъ плотны, вовсе не такъ и толсты: текуче стихійны;—стихія природна намъ: родившись, проживаетъ съ природой въ согласіи и въ тѣснѣйшемъ единеніи.

Толстой говорить: „...природа не существуетъ для меня... вѣроятно, надо уйти отъ нея, чтобы видѣть ее, а я былъ природа...“¹⁾ Вотъ отъ этого взгляды на жизнь у младенцевъ—отсутствуютъ.

Прорывъ оболочки, толщи тѣлесности, нарастающей въ продолженіи жизни,—отрѣшеніе отъ взглядовъ, чтобъ жизнь въ единеніи,—завершается любовнымъ согласіемъ съ предметомъ чувства, слияніемъ, встающимъ, какъ утвержденіе я въ ты. Разглядываніе черезъ перегородку,—подглядываніе въ щелку,—намъ дастъ блѣдное представленіе о мірѣ; познаніе начнется отъ чувственной данности и будетъ—съ оттѣнкомъ ревнивой сплетни: о странности поведенія, напимѣрь... нашей плоти, какой-то „самой по себѣ“, „себѣ на умѣ“. И будетъ матерія; и будетъ—лишенный жизни рассказъ; не будетъ—жизни.

Въ таинственномъ переживаніи нами природою въ единомъ мигѣ—намъ откроется безграничность возможныхъ твореній, откроются намъ законы Божественной фантазии: въ текущемъ моментѣ; расплавъ матеріальности предмета; мы скажемъ: красиво!—леніе происходитъ, когда мы смотримъ на красивую вазу, мы чувствуемъ къ ней влеченіе, симпатію, загорается искра—познанія мудрости процесса творенія вазы; ваза становится—душевною вазой. Передача впечатлѣнія невозможно блѣдна; можно сказать: онъ красивый, я люблю его; и говорятъ: если не помните его лица—въ него влюблены.

Чѣмъ мы черствѣе, плотнѣе, мертвѣе,—тѣмъ сильнѣй у насъ будетъ влеченіе къ тому, что грубѣе и... матеріальнѣе: къ дырявому сапогу. Поэтому говорятъ: понятіе красоты относительно.

Тѣло, второе, мертвое я—не духовно, безобразно: отсѣчено отъ духа; и оно просвѣтляется въ свѣтѣ упавшей звѣзды, въ свѣтѣ Христовѣ.

И опять звѣзда ныряетъ
Въ легкой зыби невскихъ волнъ,
И опять любовь ввѣряетъ
Ей таинственный свой челнъ.²⁾

Изъ глуши невѣдомой тайны мы выходимъ къ слѣпающему свѣту. Такъ: тайной плѣняющая глушь звука Русь проситъ еще и другого,—звучащаго міру... въ Россіи. Такъ мы, влюбленные въ святую Русь, съ нею же выйдемъ къ Россіи—Священной. Святая Русь—не прошлое, а древнее, какъ згаданное въ вѣкахъ, и грядущее, какъ Россія. Въ прошломъ нѣтъ тайны. Но за брошенную, забытую любовь подстережетъ насъ мѣсть непощенныхъ мертвецовъ. Пробужденіе умирающей плоти насъ ждетъ. Такъ говоритъ Вячеславъ Ивановъ:

Зрящихъ силъ въ незрячій омутъ
Досягаютъ копія.
Такъ тревожатъ духи дрему
Безсознательнаго я.

¹⁾ Первая воспоминанія.

²⁾ О. Тютчевъ.